

УДК 81'27 ББК 81.001.3

Е.И. Диброва

ЭТНОИДИОЛЕКТНЫЙ КОНЦЕПТ В КВАНТОВО- ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

Рассматривается этноидиолектный концепт в художественных текстах Михаила Шолохова. Лексикографическое толкование содержательной структуры представлено как квант познания с региональными и индивидуально-авторскими компонентами.

Ключевые слова: этноидиолектный концепт, лексикографическая квантовая интерпретация.

Диброва Елена Иннокентьевна – докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова
Тел.: 8 (495) 374-98-58

В современной лингвистике одной из единиц познания принято считать «концепт» – понятие, определяющее ментальные и психические ресурсы нашего сознания, которые реализуются в языке. Истолкование концепта в настоящее время связано с различными аспектами его понимания: 1) ментально-психическая, информативная единица языкового знания (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков и др.); 2) энциклопедическое (языковое и внеязыковое) знание об объекте (Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.); 3) закодированное в языке знание объекта (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.О. Чернейко); 4) культурно обусловленное представление о действительности (А. Вежбицкая) и т. д. Понятие «концепт» имеет свою отечественную историю: Л.В. Щерба в докладе, прочитанном в 1927 г., который был посвящен памяти его учителя И.А. Бодуэна де Куртэне и затем был положен в основу статьи «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (1931), ввел это понятие. «Языковые величины, с которыми мы оперируем в словаре и грамматике, будучи к о н ц е п т а м и (разрядка наша. – Е.Д.), в непосредственном опыте <...> нам вовсе не даны, а могут выводиться нами лишь из процессов говорения и понимания, которые я называю в такой их функции “языковым материалом” (третий

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

аспект языковых явлений). Под этим последним я понимаю, следовательно, не деятельность отдельных индивидов, а совокупность всего говоримого и понимаемого в определённой конкретной обстановке в ту или другую эпохи жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это “т е к с т ы” (разрядка наша. – Е.Д.) (которые, к сожалению, обыкновенно бывают лишены вышеупомянутой обстановки); в представлении старого филолога это “литература, рукописи, книги” [Щерба, с. 26]. Относя процессы говорения и понимания к речевому опыту человека, учёный акцентирует внимание на выводимости концепта из зафиксированного на письме материала, принадлежащего определённой языковой системе, состояние которой обусловлено конкретно-исторической и социальной обстановкой. Концепт в понимании Л. В. Щербы является с м ы с л о в о й единицей определённых социальных групп и конкретных ситуаций, отражающих языковой стиль эпохи. Концепт связан с текстовой жизнью и, следовательно, обладает не только культурно-социальным и конкретно-историческим содержанием, но и идиолектными свойствами создателя художественного произведения. Широкое понимание структуры единицы говорит о филологичности литературного концепта, т.е. отражении духовного мира народа, на чьем языке написан автором текст.

Первое комплексное исследование идиолектного концепта было предложено авторами объемного издания – «Концептосфера А.П.Чехова» (2009). В предисловии убедительно сформулированы позиции концептосферы: в книге нашли отражение индивидуально-авторские, «художественные» концепты. <...> Рассматриваются в основном концепты онтологического, морально-этического типа, а также те, которые можно назвать “чеховскими”» [Концептосфера А.П. Чехова, с.4].

Национальная специфика текста отражается в наибольшей степени в концептосфере произведения. Понятие концептосферы как совокупности понятийно-обыденного и этнического знания нации/отдельной личности позволяет интерпретировать концепт как ментально-психическую информативную единицу – единицу этноконцептосферы. «Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое и сходное понимание реальности» [Леонтьев, с. 272]. Сближение с исходным смыслом, образом и символом предполагает объективность трактовки концепта и национальный характер его проявления. «Культурные скрипты» [Wierzbicka, p. 145, 178] разграничивают и устанавливают этноиндивидуальные традиции коллективных обычаев народов.

Этноидиалектный концепт, являясь квантом познания реальности, включает в свой состав специфику видения жизненных явлений и «свойственность» речи представителей данной этнической общности. В процессе развития этноса образ мира усложняется и расширяется состав его структуроотражательных элементов – этнических констант. На важность национальных этнических корней в жизни рус-

ского человека указывали многие русские философы начала XX века (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.С. Трубецкой, Г. Флоренский и др.). И.А. Ильин в статье «Путь духовного обновления» пишет о судьбе и единстве русского народа: «Это есть единство, возникшее из инстинктивного подобия, общения и взаимодействия людей в их обращении к Богу, к данной от Бога внешней природе к друг другу. Это единство вырабатывается исторически, в борьбе с природой, в создании единой духовной культуры и в самообороне от вторгающихся нарушителей. <...> Каждый народ призван к тому, чтобы принять свою народную и историческую “данность” и духовно проработать ее, одолеть ее, одухотворить ее по-своему, пребывая в своем, своеобразном национально-историческом акте» [Ильин, с. 232, 233].

Этноидиолектный концепт в наибольшей очевидности представлен в языке художественных текстов М.А. Шолохова. Состав и структура его речи, как ни одного другого писателя Земли Русской, объединяет как понятийно-обыденное знание нации, так и региональное этническое (казачье) постижение действительности и свой, собственно авторский взгляд. Произведения М.А. Шолохова – это повествование о жизни донского казачества, прошлого и настоящего беглых людей, селившихся на Дону, начиная с XIV в. Идиосфера писателя включает память, опыт, жизненный быт, предания казачьего этноса: земледельческие работы, воинские обязанности, христианство, моральные устои, семейные традиции, празднества и печали; все это было выработано в борьбе за географическое пространство «от моря до Дона». Картина мира в текстах писателя концептуальна в узком и широком понимании: она отражает и авторскую систему взглядов на предмет изложения (воплощённость авторского «я» в речевой структуре, в стилистической тональности, в своеобразии и отборе лексико-синтаксических средств), и одновременно она представляет процессы и явления, в формировании которых участвуют различные типы казачьего мышления: дологическое (языческое) и логическое (психологическое, религиозное, воинское, этическое и др.). На формирование языковой картины донского региона оказали несомненное влияние специфика быта и характер казачества. Моральные устои вольного казачества – «с Дону выдачи нету», военная сословность, свобода землепользования и промыслов – рыболовства, охоты, бортничества и др. – привели к созданию устойчивого сообщества, обладающего своей внутренней дисциплиной, организацией и жизненными правилами.

Художественная проза М.А. Шолохова – это эпопея о казачестве, этой «маленькой нации», это призма, сквозь которую рассматривается война и мир русского народа в первой половине XX в. Вошедшее в плоть и кровь донского казачества коллективное бессознательное связано с представлением реального мира об одушевленности всех сил природы. Это древнейшее языческое миропонимание выражено в материальном и духовном самопознании казака. Исследователю важно проникнуть в технологию изобразительности духовного мира, чтобы

поэтика текста распахнула перед ним собственно донскую казачью речь и индивидуальные шолоховские приращения.

Лингвокультурные особенности в коммуникативном общении отражают традиции коллективных обычаев этноса, что проявляется в выборе и предпочтительности тех или иных коммуникативных стратегий. Последние фиксируются как в толковых диалектных словарях, так и в словарях языка одного писателя, – в нашем случае – в «Словаре языка Михаила Шолохова» (СЯШ). Корпус лексикографической статьи в русском толковом словаре, как и в словаре писателя, представлен в иерархической смысловой производности, которая может быть определена в прерывности – непрерывности семантической структуры, иными словами, может быть охарактеризована в понятиях квантовой дискретности. Полисемичная номинация – расчлененная смысловая производность, моносемичная – «одноактность» смысла. Эпидигматика (греч. *epidosis* 'приращение, прирост') – именование семантической производности современного многозначного слова сложилась народно, исторически и духовно и образует внутренне сгруппированную структуру национального языка [см. Диброва, с. 185, 186].

Лексикографическая (словарная) статья представляет собой квант познания, сформированного авторами/автором специализированного словаря. «Мышление создает образ физического мира, как это следует из современной физической теории <...>. Процесс селекции (выбора), с точки зрения квантовой механики, имеет как причинно-личностный аспект, так и стохастически-неперсональный аспект» [Stapp, 1993, p. 189]. Сопоставление работы человеческого мозга с работой суперкомпьютерной системы, обладающей самоподдерживаемой программой, которая основана на квантово-механических законах, покоящихся на персональных данных, свидетельствует в пользу квантования речевого мышления, находящего свое выражение в текстах произведений. Смыкание квантово-механической работы человеческого речевого мышления и лексикографической единицы обнаруживает набор языковых и речевых (авторских) дефиниций, отграничивающих их друг от друга и интегрирующих прерывность – непрерывность структурирования.

Словарная статья как «сконструированный» квант познания в целом не эгоцентрична, но в авторском повествовании ее отдельные значения обрастают эмоционально-экспрессивными коннотациями, обусловленными ассоциативно-идиолектными восприятиями реальности. Н.А. Бердяев писал: «В душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. У русских “природа” стихийная сила <...> Элемент природно-языческий вошел и в русское христианство. В типе русского человека (в том числе и казака. – Е.Д.) всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленный к потустороннему миру. <...>

Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли» [Бердяев, с. 8]. Пейзаж русской земли – это степь и лес, эти концепты представляют фундаментальнейшие русские реалии – пространства России. «Россия простирается до Бога» (Рильке). «*Степь без конца и края. Древние курганы в голубой дымке. Черный ореол в небе. Мягкий шелест стелющейся под ветром... Маленьким и затерянным в этих огромных просторах почувствовал себя Давыдов, тоскливо оглядывая томящую своей бесконечностью степь*» (Подн. цел., 2). *Широка степь и никем не измерена* (Пастух, IV).

Степь включается в круговорот жизни и смерти русского народа, природный круговорот бытия, воспринимающийся как сакральный. У казаков именно степь воплощает собой мифологический образ Матери-сырой земли, и это определяет особое ее почитание. Степь кормит своих детей – казаков, которые живут земледельческим трудом¹.

Заходило время пахать, боронить, сеять; земля кликала к себе, звала неустанно день и ночь (Тих. Дон, 6, LVI); *Весною, – когда холостеющая степь ложилась под ногами, покорная и истомная, манила деда земля, звала по ночам властным, неслышным зовом. Не мог противиться, запрягал быков в плуг, ехал, полосовал степь сталью, обсеменял ненасытную черноземную утробу ядреной пшеницей-гиркой* (Чужая кровь); *Григорий с наслаждением мечтал о том, как снимет дома шинель и сапоги, <...> поедет в поле. Хорошо бы взяться руками за чапиги и пойти по влажной борозде за плугом* (Тих. Дон, 8, VI); *Великая плодотворяющая работа вершилась в степи: буйно росли травы, поднимались птицы и звери, лишь пашни, брошенные человеком, немо простирали к небу свои дымящиеся паром, необсемененные ланы... Макар шагал по высохшей комкастой зяби в ярости и гневе. <...> «Припозднились! Загубим землю! – думал Макар, с щемящей жалостью оглядывая черные, страшные в своей наготе, необработанные пашни. – День-два – и пропала зябь»* (Подн. цел., 1, XXXIV); *Днями летними, погожими в степях донских, под небом густым и прозрачным звоном серебряным вызванивает и колышется хлебный колос* (Родинка, III).

«Казак – земледелец, преобразовавший Великую Степь в крестьянское поле, осваивал окраинные земли Руси-России, не нарушая природной гармонии. В его мировидении все подчинено Высшему Промыслу. Историческое сознание казачьей общины стихийно воспринимает идею христианского мессианизма – построения Царства Божьего на отвоеванных у кочевников территориях» [Дырдин, с. 45].

Для эпической картины мира характерно описание строгой красоты и мудрости донской степи. Она вольна в своей первобытно-простой жизни – в ее естественности, гармонии и красоте. *В дымчато-синих сумерках дремала лазоревая степь, на круговинах отцветающего чеборца последнюю за день взятку брали пчелы* (Лазоревая степь); *Фиалки до-*

¹ См. интересную интерпретацию концепта «степь» Е.В. Маслаковой [Концептосфера А.П. Чехова, с.122–137].

живали положенный им срок в этой глухой и широкой степи, а на смену, по склону лога, на солонцах уже поднимались сказочно яркие тюльпаны, подставляя солнцу свои пунцовые, желтые и белые чашечки, а ветер, смешав разнородные запахи цветов, далеко разносил их по степи (Тих. Дон, 8, XV); *Степь его* (Мишку. – Е.Д.) *покоряла, властно принуждала жить первобытной, растительной жизнью* (Тих. Дон, 6, III).

Отличительной особенностью степных пейзажей М.А. Шолохова является их научная достоверность. В текстах описано большинство представителей флоры и фауны донской степи, заметна информационная полнота и точность при их описании. «Всего в “Тихом Доне” насчитывается около двухсот пятидесяти описаний природы, не считая тех, в которых содержится менее двух строк. В романе упоминаются почти двести пятьдесят видов животных и растений, некоторые из них (виды ив, тополь) – до пятидесяти раз. Такое изобилие является красноречивым доказательством любви писателя к природе и знания им природы, особенно природы его родной донской земли» [Ермолаев, с. 111, 112].

М. А. Шолохов соединяет в своем творчестве восторг художника с зоркостью опытного естествоведа. При описании степи он уделяет пристальное внимание травяному покрову: отмечает виды трав, цвет, строение, жизненную нужность растения.

Травы от корня зеленели густо и темно, вершинки просвечивали на солнце, отливали медянкой. Лохматился невызревший султанистый ковыль, круговинами шла по нему вихрастая имурка, пырей жадно стремился к солнцу, вытягивая обзерненную головку. Местами слепо и цепко прижимался к земле низкорослый железняк, изредка промерженный шалфеем, и вновь половодьем расстилался взявший засилье ковыль, сменяясь разноцветьем: овсюгом, желтой сурепкой, молочаем, чингиской – травой суровой, однолюбой, вытеснявшей с занятой площади все остальные травы (Тих. Дон, 6, II). Степь у М.А. Шолохова в высшем его понимании – гимн донской земле. *Родимая степь под низким донским небом! <...> Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!* (Тих. Дон, 6, VI).

Этническое получило свое выражение в категориях одушевленности: антропоморфности, зооморфности, флористичности и мифологичности. Степь воспринимается автором антропоморфно как живое существо: *Он* (смотритель лошадей. – Е.Д.) *выжидаяще помолчал, с минуту глядел на распахнутую грудину степи* (Тих. Дон, 6, II); *Степь, иссохшая, с чахоточным румянцем зорь, в полдень задыхалась от зноя* (Пастух, II); *Степь под ветром могуче и мерно дышала во всю широченную грудь* (Подн. цел., 2, XVIII). Символически: как хранитель воинской казачьей славы: *Родимая степь <...> Курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казачью славу...* (Тих. Дон, 6, VI); как страж донской степи: *Из-за кургана, караулящего шлях, выполз багровый от натуги месяц* (Путь-дороженька, 2, XI).

Шлях в степи 'грунтовая дорога на Дону' приобретает в языке М.А. Шолохова мифолого-символическую значимость. В романе «Тихий Дон» Гетманский шлях «теряет ореол воинственности, отблесков былого героического и становится обозначением дороги жизни, возле которой проходит неизбывный путь донское казачество. <...> Приобретая тестовый смысл – путь жизни, шлях обозначает ушедшую славу донского казачества <...> и гибель казачества как сословия» [СЯШ, с. 98].

Антропоморфность концепта Дон, главной реки Донского края, запечатлена в эпидигматике словарной статьи, где 1-е и 2-е толкования – этнические, казачьи, 3-е и 4-е – этноидиолектные, шолоховские: 1. Извечно независимое водное пространство жизни вольного казачества. *Но и горд наш Дон, тихий Дон, наш батюшка – Басурманину он не кланялся, у Москвы, как жить, не спрашивался <...>. Старинная казачья песня* (Тих. Дон, 4, XI). 2. Родина донского казачества, дающая ему пищу, питание. *«Дон! Дон наш! Тихий Дон! Отец родимый, кормилец! Ур-р-ра-а-а!» – и в окны кидают (казаки. – Е.Д.) с моста прямо в воду <...> фуражки, шинеля старые, шаровары, наволоки, рубахи, разную мелочь, дарят Дону, возвращаясь со службы* (Тих. Дон, 5, X). 3. Мягкость на ощупь, приятность воды. *Нежащая и очищающая ласка донской воды. Николка <...> поплыл на желтую косу, обнимающую Дон* (Родинка, I). 4. Линия раздела, рубеж спасения или гибели. *Не пробьемся к Дону – можем пропасть* (Коловерть, VIII).

Следуя казачьей традиции, писатель использует номинацию месяц и как лингвокультурный казачий концепт и как ее этническую номинацию: Месяц. *Этнологическое*. Месяцем казаки называют луну во всех её фазах – последовательных изменениях видимой формы (первая фаза, вторая фаза). Полный месяц. Луна. *Полный месяц ярко освещал ее осунувшееся лицо, ввалившиеся глаза, страдальчески изогнутые брови* (Тих. Дон, 7, XVI). «Месяц – казачье солнышко». Фразеологизм. Небесное светило, освещающее казакам пути ночных предрасветных нападений на противника, когда стража засыпала, утрачивая бдительность. *По ночам на обугленно-черном небе несчетные сияли звезды; месяц – казачье солнышко, темнея ущербной боковиной, светил скупо, белó* (Тих. Дон, 6, VI).

К шолоховским этноидиолектным инновациям относятся устойчивые сочетания, выражающие связи реальности и отражающего ее ассоциативного сознания: Щит месяца. *Символическое. Воинское*. Месяц как знак небесной защиты и предупреждения об опасности. *Вечерами из-за копий голого леса ночь поднимала калено-красный огромный щит месяца. Он мглисто сиял над притихшими хуторами кровавыми отсветами войны и пожаров* (Тих. Дон, 6, XIII); Чаша месяца. Форма месяца в виде полушария. *В небе, налитая синим, косо стояла золотая чаша молодого месяца, дрожали звезды, зачарованная ткалась тишина, и далекий собачий лай да хрусткий чок конских копыт, не нарушая, только подчеркивали ее* (Тих. Дон, 6, XLI). Ср. народно-традиционную

символику лунного света. Жёлтый – цвет болезни, смерти. *Вечер. Ночь. Над местечком в выси – желтый месяц. <...> Ветер сорвал с месяца завесу тучи, и на местечко, на купы садов, на шишкастую верхушку стодола, на отряд, выезжавший на взгорье, потек желтый мертвенный свет* (Тих. Дон, 3, VIII). Голубой – призрачный свет ночного мира. *Всю ночь в полнеба стояло багровое, немеркнувшее, трепетное зарево, и в этом освещавшем степь жестоком сиянии войны голубой и призрачный свет ущербленного месяца казался чрезмерно мягким и, пожалуй, совсем не нужным* (Они сражались за Родину).

См. также идиолектную поэтику: Чёрная тишина. 1. Ночная, с лёгкими шорохами тишина. *Всю ночь не спал* (Григорий. – Е.Д.). *Часто выходил проведывать коня, и подолгу стоял на крыльце, повитый черной, шелково шелестящей тишиной* (Тих. Дон, 6, X). 2. Чёрные шелка. Нежные, мягкие ощущения. *Первая ночь, принявшая весну, стала над Гремячим, окутанная черными шелками наплывавших туманов, тишины, оваянная вешними ветрами* (Подн. цел., 1, XXVI).

Казачье мироустройство и миропонимание пронизывают авторские речевые конструкции: *Перекипающее под ветром воронёной рябью стремя Дона* (Тих. Дон, 1, I). Сочетание «перекипающее под ветром воронёной рябью стремя Дона» может быть понято лишь в сравнении с истоками смысла: *Из окон видно <...> воронёную сталь воды* (Родинка, II); *В темно-синих, как воронёная сталь, глазах* (Подн. цел., кн. 2, VII). Натуралистическая номинация воронёный 'покрытый чернью (о металле)' в языке романа «Тихий Дон» является этнографической и этнологической ментальной единицей 'темный, с синим отливом, подобный цвету воронёной стали казачьей шашки – обязательного оружия казака', а единица стремя 'бурное течение, стремнина Дона' ассоциируется с лезвием самой шашки.

М. А. Шолохов широко использует народную лексику и двуплановость ее семантики, свойственную диалектной речи и восходящей к ее началам – внутренней форме. Огромный массив слов и устойчивых выражений подчинен контексту употребления: *Антропоморфное*: Гайдамáчить. Своевольничать, хозяйничать (о ветре). *Гайдамачил над станицей час от часу крепчавший ветер* (Тих. Дон, 5, II). Ср. в Словаре В.И. Даля (СД): Гайдамачить. Промышлять разбоем. Нацелóванная. Любовно обласканная, омытая нежными прикосновениями волн. *И вот берег: перламутровая россыпь ракушек, серая изломистая кайма нацелованной волнами гальки* (Тих. Дон, 1, I). СД. Нацеловать многих. *Зооморфное*: Отроиться. Отделиться, уйти из родного дома. СД. Отроиться, о пчелах. Отплодиться, образовав новый, молодой рой. Жеребцевáть. *Зооморфное*. Быть похотливым мужчиной (СД. Жеребятник. Бранно повеса). *Флористическое*. Жнивьё. Короткие жесткие волосы на лице мужчины. СД. Жнивьё. Нива со срезанными стеблями, оставшимися на корню.

В глубинном бессознательном формируются высшие возможности бессознательного и сознательного, создавая сверхсознательное – ин-

туитивность художественности. Дискурсивность, возникающая на сознательном уровне, продолжает существовать в скрытой форме, которая проявляется в авторских рефлексиях. Познавательная и художественная интуиция включает чувственно-мыслительное освоение мира, которое захватывает художника слова соразмерно с ценностями его целеустановок. Интерпретационное восприятие этноидиолектных концептов раскрывает сущностное истолкование ментальной единицы, столь необходимое в современном толерантном мире, и особенно в своей насущной функциональности – познания русского языка как величайшего достижения народа.

Литература

- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Диброва Е.И.* Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 т. М., 2002. Т. 1.
- Дырдин А.А.* Этюды о Михаиле Шолохове. Творчество писателя-классика в духовной культуре России. Ульяновск, 1999.
- Ермолаев Г.* Михаил Шолохов и его творчество. СПб., 2000.
- Ильин И.А.* Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1993.
- Концептосфера А.П. Чехова: сб. статей / под ред. Н.В. Изотовой. Ростов н/Д., 2009.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.; СПб., 2003.
- Словарь языка Михаила Шолохова. М., 2005 (СЯШ).
- Шолохов М.А.* Собр. Соч.: в 8 т. М., 1956–1960.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Wierzbicka A.* Different cultures, different languages, different speech acts: Polish vs. English. // Journal of Pragmatics. 1985. № 9.
- Stapp H.P.* Mind, Matter and Quantum Mechanics. Berkeley, University of California, 1993.